

СТАНЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ ПРАВА?¹

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проблема рассмотрения искусственного интеллекта в качестве субъекта права. Автор исследует возможность признать искусственный интеллект юридическим лицом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект; субъект права; юридическое лицо.

Сегодня правоведам уже нельзя ограничиваться общей констатацией влияния цифровизации на право – преобразовательное начало цифровых технологий весьма ярко проявляет себя применительно к основополагающим правовым институтам и категориям. И отличным примером реформирующего воздействия цифровизации является идея признать искусственный интеллект (англ. Artificial Intelligence, далее – AI) самостоятельным субъектом права, что, безусловно, требует пересмотра устоявшихся институтов правосубъектности и юридического лица в гражданском праве.

Рассмотрение обозначенного в наименовании статьи вопроса следует предварить указанием на то, что возможность появления нового субъекта права обсуждалась еще на заре становления Интернета вещей (англ. Internet of Things, далее – IoT) – технологии, основанной на подключении к сети физических предметов («вещей»), техническое и программное оснащение которых (процессоры, датчики, коммуникативное оборудование) позволяет им собирать и обрабатывать данные, посредством Интернета обмениваться этими данными, взаимодействовать друг с другом и внешней средой. Большая часть этого функционала осуществляется устройствами без

---

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: вопросы правовой политики» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 23 апреля 2021 г.).

вмешательства человека, хотя люди могут настраивать приборы, создавать инструкции, получать доступ к данным.

На бытовом уровне технология IoT, по сути, стала синонимом приложения «Умный дом», которое объединяет подключенные к сети интеллектуальные устройства и «умную», то есть снабженную соответствующим программным обеспечением, датчиками, коммуникативным оборудованием технику (осветительные и отопительные приборы, домашние системы безопасности, бытовую технику и прочее, которые взаимоувязаны между собой и управляются путем использования Интернета). При описании такого рода приложений особо подчеркивалось, что посредством Интернета теперь связываются не только и не столько люди, сколько неодушевленные предметы: можно подключить к сети Интернет любую вещь, «научить» ее отправлять sms-сообщения, электронные письма или твитты. А в специальной литературе при оценке перспектив развития IoT отмечалось, что все больше и больше устройств (таких как швейные машинки, велотренажеры, электрические зубные щетки, стиральные машины, счетчики электроэнергии и копировальные аппараты) «компьютеризируются» и оснащаются сетевыми интерфейсами, с учетом чего делался следующий вывод: «...так же, как люди используют Интернет сегодня, вскоре и вещи будут общаться друг с другом, пользоваться услугами, предоставлять данные...» [1, p. 108].

Изложенное позволило части юристов заключить, что в сфере применения технологий взамен «устаревшего» взаимодействия «человек – человек» приходит новое взаимодействие «человек – физический объект», причем одновременно происходит и переход к системе межмашинной коммуникации «физический объект – физический объект», в рамках которой различные устройства будут включаться, выключаться, отслеживаться, контролироваться вовсе без вмешательства человека (что, по сути, реализовано в технологии промышленного интернета вещей [англ. Industrial Internet of Things, IIoT]). Это стало предпосылкой для вывода о том, что в таких

условиях физические объекты – интеллектуальные устройства IoT – становятся квазисубъектами права.

Между тем возможность непосредственного подключения «умных» устройств к сети Интернет, их сетевое взаимодействие и разрешение задач, поставленных перед ними человеком, вовсе не переводят эти физические предметы в число самостоятельных субъектов права, к которым принято относить тех, «кто способен быть участниками правоотношений в качестве обязанных или управомоченных лиц» [2, с. 310]. Может ли физический предмет, даже снабженный сверхсовременными процессорами и датчиками, становиться обязанным или управомоченным лицом в договорном отношении? Допускает ли право возложение на него ответственности за причинение внедоговорного вреда?

Ответы на эти вопросы, разумеется, будут отрицательными [3]. Так, вряд ли можно серьезно говорить о предъявлении требования о возмещении причиненного вреда непосредственно к «умной» стиральной машине, которая вдруг «не уследила» за сливом воды, что привело к заливу соседской квартиры: вне всяких сомнений, пострадавшее лицо адресует свои претензии к владельцу стиральной машины, но не к ней самой. Безрезультатным будет и обвинение «умного» устройства в утечке персональных данных лица, которое приобрело это устройство и пользуется им: соответствующие претензии можно предъявлять производителю такого устройства, но никак не к самому этому устройству [4].

Изложенное стало причиной постепенного угасания полемики о возможности расширения перечня субъектов права за счет включения в него «умных» устройств, подключенных к сети Интернет.

В 2017 году Европейский парламент вышел с инициативой о разработке нормативных актов, регулирующих создание и использование AI, а также наиболее «продвинутых» роботов, в рамках которой прозвучало предложение о введении нового субъекта права – «электронной личности» (англ. *electronic person*). Обоснование этой инициативы содержалось в докладе Комитета по правовым вопросам с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права о

робототехнике [2015/2103(INL)]², а затем и подготовленной на его основе Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 года³ [далее – Резолюция 2015/2103(INL)].

Возможность признания за «умными» компьютерами статуса субъекта права обсуждается в юридической литературе с давних времен [5]. Однако законодательные инициативы в этой сфере – явление сравнительно недавнее.

В Резолюции 2015/2103(INL) подчеркивалось, что человечество стоит на пороге эры, когда наиболее «продвинутые» роботы, боты, андроиды и другие проявления AI, похоже, готовы развязать новую промышленную революцию, которая, возможно, затронет все слои общества, и для законодателя жизненно важно учитывать правовые и этические последствия и эффекты, не удушая при этом инновации (пункт В). В Резолюции признавалась вероятность того, что в течение нескольких десятилетий AI сможет превзойти интеллектуальные способности человека (пункт Р); выражалась обеспокоенность тем, что работа, которая сейчас выполняется людьми, будет «захвачена» роботами и это может потребовать внесения соответствующих изменений в систему образования, трудоустройства и социальную политику (пункт I); обращалось внимание на то, что развитие робототехники и AI определенно изменит ситуацию на рабочем месте и это способно устранить одни проблемы с ответственностью и создать новые (пункт L) и т. д.

В целях настоящей работы заслуживает внимания то, что в одном из разделов Резолюции 2015/2103(INL), посвященном вопросам гражданско-правовой ответственности, констатировалось, что современные роботы способны выполнять действия, которые раньше были типичными и исключительно человеческими, причем развитие

---

² Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [2015/2103(INL)] // URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf

³ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [2015/2103(INL)] // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html

определенных автономных и когнитивных функций (как, например, способности учиться на собственном опыте и принимать квазинезависимые решения) сделало роботов более похожими на агентов, которые взаимодействуют с внешней средой и способны ее значительно изменить (пункт Z). В этих условиях, как специально подчеркивалось в Резолюции, одним из важнейших становится вопрос о юридической ответственности за вред, причиненный действием робота. Анализ различных аспектов возложения ответственности за действия роботов на третьих лиц (разработчика программного обеспечения, владельца робота, оператора, пользователя и прочее) сопровождался выводом о том, что в тех случаях, когда ущерб причиняется вследствие решения, которое робот принял самостоятельно, действующее законодательство не позволяет установить, кто должен нести ответственность по выплате компенсации и возмещению причиненного вреда (пункт AF). Проблемы усматривались и в сфере договорной ответственности: роботы могут быть запрограммированы так, что они сами могут выбирать контрагентов, согласовывать условия контрактов, заключать договоры и решать, как их исполнять, что делает неприменимыми традиционные нормы договорного права (пункт AG). В заключительном пункте рассматриваемого раздела отмечалось, что существующее правовое регулирование не рассчитано на причинение вреда роботами нового поколения, в частности оно не учитывает, что «продвинутые» роботы способны адаптироваться и самообучаться, что делает довольно непредсказуемым их поведение (пункт AI). С учетом этого в пункте 59(f) Комиссии ЕС предлагалось при оценке воздействия будущего европейского законодательства изучить, проанализировать и рассмотреть последствия наделения «продвинутых» автономных роботов особым правовым статусом – статусом «электронной личности», ответственной за возмещение любого ущерба в тех случаях, когда робот принимал решение автономно или иным образом самостоятельно взаимодействовал с третьими лицами.

Обозначенная идея признания за интеллектуальным роботом статуса субъекта права не получила поддержки в экспертном сообществе. Так, в открытом письме⁴, подготовленном в качестве ответа на рассматриваемую инициативу и подписанном более чем 150 экспертами, подчеркивалось, что подобные предложения ведут к ослаблению прав человека. При этом отмечалось: «Правовой статус робота не может быть выведен из модели физического лица, поскольку робот тогда будет обладать правами человека, такими как право на достоинство... или права на гражданство, таким образом непосредственно сталкиваясь с правами человека»⁵.

В то же время после обнародования Европейским парламентом Резолюции 2015/2103(INL) имел место прецедент признания за роботом, управляемым AI, правосубъектности – речь идет об известном человекоподобном роботе Софии, получившей гражданство Саудовской Аравии [6].

Кроме того, все большее развитие получает идея создания специального правового режима, который позволял бы возлагать гражданско-правовую ответственность непосредственно на AI. Правда, это предлагается не в контексте признания AI новым субъектом права, а путем приравнивания к статусу юридического лица. Например, Южная Корея планирует с 2023 года реформировать свою правовую систему в ключе наделения AI статусом юридического лица, что, по мнению правительства, позволит разрешать вопросы определения ответственности за причиненный материальный ущерб и преступные деяния, связанные с решениями AI, за нелегальную обработку персональных данных и проч.

В свете изложенного представляется целесообразным проанализировать допустимость признания правосубъектности за AI или «продвинутыми» роботами в российском частном праве, обозначив по итогам собственные соображения.

---

⁴ URL: <https://g8fip1kplyr33r3krz5b97d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2018/04/RoboticsOpenLetter.pdf>

⁵ Robot rights a major threat to humans – AI experts slam EU plan // URL: <https://www.rt.com/news/424353-robot-human-rights-eu/>

Первое. Надо заметить, что в Резолюции 2015/2103(INL) речь идет о наделении статусом «электронной личности» именно «продвинутых» автономных роботов, тогда как национальные правовые инициативы обычно направлены на разрешение вопроса правового статуса AI. Это заставляет уделить некоторое внимание соотношению AI и роботов.

Но прежде хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день идея о существовании разумного «искусственного» субъекта – это скорее литературная гипербола, созданная усилиями философов, писателей и журналистов, но не имеющаяся реальность. И это косвенно подтверждает Резолюция 2015/2103(INL), в которой предполагается не срочное разрешение обозначенных в ней вопросов, а их тщательная проработка в долгосрочной перспективе в ключе ожидания того, что в течение нескольких десятилетий AI сможет превзойти интеллектуальные способности человека.

В действительности AI представляет собой информационно-вычислительную систему, способную без участия человека решать разнообразные задачи, в том числе относящиеся к творческим, а также самообучаться в ходе разрешения таких задач [7]. Но обозначенные возможности не дают повода говорить сегодня о самостоятельности AI – человек ставит перед AI требующие разрешения задачи, человек изначально устанавливает алгоритмы их разрешения и формирует базы данных, которые будут использоваться AI, человек определяет достаточность и применимость предложенного AI решения. Значительно упрощая, можно говорить о том, что AI – это совокупность компьютерных программ, которая на основе специально разработанных алгоритмов и с опорой на имеющуюся базу данных призвана разрешать вопросы, поставленные перед ней человеком. Технологии AI базируются на математических вычислениях и не способны к многофакторному анализу ситуации, в том числе с учетом морально-этических принципов, к интуитивному и эмоциональному восприятию, критической оценке вводной информации. Поэтому говорить об AI как о самостоятельном, критически мыслящем субъекте пока явно преждевременно.

В свою очередь интеллектуальные роботы – это высокотехнологичные устройства, управляемые AI. Являясь роботами третьего поколения, которые предназначены не только для осуществления физических и двигательных функций, но и для решения интеллектуальных задач, они имеют соответствующую их функциям материальную оболочку, и, будучи управляемы AI, все же ограничены заложенным в него функционалом. Важно заметить, что сегодня к интеллектуальным роботам могут быть отнесены не только человекоподобные роботы-андроиды или бытовые роботы, но и принципиально иные роботы – боевые, военные, морские, беспилотные летательные аппараты и беспилотные автомобили, космические и медицинские роботы, экзоскелеты и т.д. Последнее обстоятельство и объясняет тот факт, что заложенное в Резолюции 2015/2103(INL) предложение о наделении статусом «электронной личности» распространяется не на всех «умных» роботов, а именно на самых сложных – «продвинутых» – автономных роботов.

Вместе с тем, на мой взгляд, об «искусственной личности» надо бы говорить применительно не к «продвинутому» роботу, а скорее обеспечивающему его функционирование AI: значимые автономные решения может принимать именно AI, в том числе не «облаченный» в форму робота, тогда как даже самая высокотехнологичная машина в отсутствие AI такое решение принять не в состоянии. В этих условиях возникают серьезные сомнения в целесообразности наделения статусом субъекта права именно «продвинутых» роботов.

Второе. Обозначенная идея признать за AI статус юридического лица связана с наличием различных доктринальных подходов к пониманию сущности юридического лица и выстраиваемых на их основе законодательных конструкций. При этом в правовой литературе отмечается значительное многообразие теорий о природе юридического лица, которые подразделяют на две основные группы: теории, признающие реальность юридического лица, и теории, отрицающие его реальное существование.

К первой группе относятся научные концепции, в соответствии с которыми юридическое лицо понимается как реальный субъект,

функционирующий самостоятельно через свои органы, действия которых и считаются действиями самого юридического лица. В рамках доктрины реального субъекта юридическое лицо рассматривается либо как некий реальный психофизический организм, уподобленный человеку (органическая теория), либо как «бестелесное» лицо (теория социальной реальности), либо как система социальных взаимосвязей, посредством которых люди объединяются для достижения поставленных целей (теория организации), и т. д.

Глубокую доктринальную проработку получило и научное течение, в рамках которого, напротив, не признается самостоятельное значение юридического лица как субъекта права. Приверженцы такого понимания исходят из того, что под «ширмой» юридического лица скрывается физическое лицо, поэтому в каждом случае надо установить действительного субъекта права: «Если снять с юридического лица все покровы, то окажется, что за ним скрываются реальные участники общественных отношений – люди либо что-то иное, определяющие деятельность юридического лица» [8, с. 110]. В зависимости от обоснования выделяют следующие теории: интереса, администрации, директора, государства, коллектива и прочее. В контексте настоящей работы наиболее актуальна, вероятно, теория коллективной собственности, суть которой состоит в том, что юридическое лицо есть форма коллективного обладания имуществом.

Еще одно направление в сфере исследований сущности юридического лица сформировали теории, получившие общее название «агностических», к числу которых, в частности, отнесены: учение, предлагавшее устранить подразделение на физических и юридических лиц, оставив одну категорию «лица» (учение о лице); концепция, отражавшая предложение отказаться в гражданском праве от института юридического лица, заменив его понятием «хозяйственный орган» («негативная» концепция), и др.

Вместе с тем главенствующей в юриспруденции концепцией признается теория фикции (олицетворения), по смыслу которой реальным субъектом права может быть только человек, тогда как юридическое лицо, будучи *юридической фикцией*, становится

полноценным субъектом права лишь посредством создания специальных правовых конструкций: «Государство при помощи фикции на основании закона признает или создает искусственного субъекта права, допускаемого только в частном праве для достижения целей, поставленных отдельными людьми» [8, с. 108].

Примечательно, что в условиях существования значительного числа разнообразных доктрин законодательство развитых зарубежных стран не содержит легального определения понятия юридического лица [9 с. 102]. Вне всяких сомнений, такой подход серьезно облегчает задачу признания правосубъектности за разнообразными явлениями. Поэтому вполне допустимыми видятся встречающихся в зарубежных юрисдикциях довольно одиозные случаи причисления к субъектам права совершенно неожиданных объектов. Так, в 2017 году в Новой Зеландии был принят закон о признании статуса юридического лица за Те Ава Тупуа, под которым понималось «неделимое и живое целое, включающее реку Уонгануи от гор и до моря, в том числе все физические и метафизические элементы». Закон наделил Те Ава Тупуа всеми правами, полномочиями, обязанностями и ответственностью юридического лица (ст. 12 и 14 Те Ава Турпа (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017⁶).

Иная ситуация сложилась в российском гражданском праве, в котором дефиниция понятия юридического лица нашла прямое закрепление в законе: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» (п. 1 ст. 48 ГК РФ). Данное определение, отражающее сложившееся в отечественной цивилистической доктрине понимание юридического лица исключительно как организации, исключает возможность охватить статусом юридического лиц как AI, так и роботов, которые не могут рассматриваться в качестве организации.

6

URL:

<https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html>

Третье. В заключение представляется целесообразным критически оценить потребность в признании AI юридическим лицом или новым субъектом права (электронной личностью).

Проведенные исследования позволяют утверждать, что в настоящее время потребность в признании правосубъектности AI как равного человеку полноценного участника правовых отношений однозначно отсутствует. Это обусловлено тем, что задача создания интеллекта, действительно сопоставимого с человеческим, пока далека от разрешения, и ученые это подтверждают: «Мы используем искусственный интеллект в тех областях, где человеческий работает не лучшим образом. Создать конкурента человеческому разуму во всех его проявлениях пока не получилось» [10].

Вместе с тем признаваемая сегодня возможность AI принимать независимые от человека автономные решения (которые сегодня пока еще квазиавтономны), результатом которых может стать причинение вреда, порождает вопрос об ответственности за такой вред.

Таким образом, «обычные» случаи причинения киберфизической системой имущественного вреда вполне укладываются в рамки отечественного деликтного права, устанавливающего, в частности, ответственность владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), к которым, вне всякого сомнения, относятся абсолютно все роботы. Но те случаи, которые поставлены во главу угла в Резолюции 2015/2103(INL) – причинение ущерба вследствие того, что AI принимает автономное решение или иным образом самостоятельно взаимодействует с третьими лицами, – как раз не охватываются нормами действующего законодательства и требуют специального правового урегулирования. Именно проблемность определения во втором случае ответственного лица и повлекла постановку вопроса о допустимости возложения ответственности на сам AI (или «продвинутого» робота), что в свою очередь создало предпосылки для предложений в этих целях наделить AI статусом самостоятельного субъекта права, используя конструкцию юридического лица или электронной личности.

Архисерьезных препятствий для введения упомянутых юридических фикций не усматривается (в том числе в части использования конструкции юридического лица – вполне реалистичным выглядит сценарий изменения или исключения из ГК РФ определения понятия «юридическое лицо»). Однако анализ правовых публикаций позволяет говорить о том, что эти правовые конструкции предлагается задействовать, по сути, исключительно для преодоления пусть и значимой, но, вероятно, пока единственно-установленной законодательной лакуны: многие авторы исследуют вопрос признания AI субъектом права исключительно в ключе допустимости возложения на него гражданско-правовой ответственности за причиненный ущерб [11, с. 516].

Между тем разработка института правосубъектности AI требует внимания не только к этому, но и к другим – важнейшим – аспектам. Так, смысл конструкции юридического лица состоит в создании субъекта права, имущество которого отделено (обособлено) от имущества его создателей, что обеспечивает для первого возможность не только самостоятельно участвовать в гражданском обороте, но и отвечать по своим обязательствам, включая внедоговорные, которые возникают при причинении вреда. Предполагает ли правосубъектность AI (или «продвинутого» робота) наличие у него такого обособленного имущества? В случае отрицательного ответа на этот вопрос и речи не может быть о самостоятельной гражданско-правовой ответственности указанных «лиц» по своим обязательствам, что лишает какого-либо смысла наделение их статусом субъекта права. Но даже и положительный ответ на поставленный вопрос вовсе не разрешает проблему: например, наделение беспилотного летательного аппарата, управляемого AI, имуществом, сопоставимым с размером уставного фонда юридического лица (для обществ с ограниченной ответственностью он определен суммой в 10 тыс. руб.⁷), со всей очевидностью не позволит в полном объеме возместить

---

⁷ См. п. 1 ст. 14 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

возможный вред, причиненный вследствие ошибочного независимого решения AI.

В этих условиях с учетом того, что вопросы юридической ответственности за ущерб, возникший в связи с автономным решением AI, остро нуждаются в соответствующем правовом урегулировании, следует признать целесообразной разработку необходимых нормативных правил в рамках существующих правовых институтов. Например, А. А. Богустов предлагает в этих целях развивать систему обязательного страхования ответственности за вред, причиненный деятельностью AI [12, с. 61]. Поднимать же вопрос о признании AI самостоятельным субъектом права сегодня явно преждевременно, хотя нельзя исключать последующей возможности наделения его специальной правосубъектностью, исходя из соответствующих целей и задач.

М. А. РОЖКОВА,

*главный научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
член Экспертного Совета Комитета
Государственной Думы по информационной политике,
информационным технологиям и связи,
эксперт Российской академии наук,
президент IP CLUB,
доктор юридических наук*

Библиографический список

1. Mattern, Friedemann, Floerkemeier, Christian. From the Internet of Computer to the Internet of Things // Informatik-Spektrum. 2010. 33 (2). P. 108 // URL: <http://www.vs.inf.ethz.ch/publ/papers/Internet-of-things.pdf>

2. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000 (серия «Мир культуры, истории и философии»).
3. Рожкова М. А. Найти отличия: технические и правовые аспекты Интернета [Электронный ресурс] // сайт Журнала Суда по интеллектуальным правам. 2015 (URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/find-differences-technical-and-legal-aspects-of-the-internet>)
4. Tran A. H. The internet of things and potential remedies in privacy tort law // Columbia journal of law and social problems. N. Y. 2017. Vol. 50. № 2. P. 263-298 (приводится по: Афанасьева Е. А. Интернет вещей: правовые аспекты (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: Реферативный журнал. 2018. С. 72).
5. Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. 1983. Vol. 4. № 2. P. 5-16 (URL: <https://ojs.aaai.org//index.php/aimagazine/article/view/392>)
6. Cuthbert Olivia. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. 26.10.2017 URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia>
7. Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 23 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_chno_eto_takoe_ili_kto_eto_takie
8. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. – М.: Статут, 2003.
9. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / Под общ. ред. В. В. Безбаха и В. К. Пучинского. – М.: МЦФЭР, 2004.
10. Ноздрачев В. Эволюция или революция: что ждёт искусственный интеллект // URL: <https://vc.ru/future/89726-evolyuciya-ili-revolyuciya-chno-zhdet-iskusstvennyu-intellekt>
11. Свиридова Е. А. Проблема ответственности искусственного интеллекта через призму концепции гражданско-правовой ответственности Франции // Образование и право. 2000. № 4 (URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otvetstvennosti-iskusstvennogo-intellekta-cherez-prizmu-kontseptsii-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-frantsii>)

12. Богустов А. А. К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта субъектом деликтных обязательств // *Правова держава*. 2020. № 40.